

ЭГОЦЕНТРИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ СЕМАНТИКИ ОБОБЩЕННЫХ МЕСТОИМЕНИЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

М. А. ТОНЯН

Слово "я" принадлежит к тем знакам, которыми не только оперирует бесконечное множество неязыковых дисциплин, но которые лежат в основе самых различных понятий, теорий, моделей, концепций, и т. п. Что касается его места в языке, то невозможно охватить сферы функционирования этого слова. Вполне достаточно того факта, что оно лежит в основе самого речевого акта. По сути дела, ни язык, ни тем более речь нельзя представить без учета взаимоотношений со словом "Я". Однако есть слова, связанные с ним настолько непосредственно и тесно, что их значение просто будет непонятно без отсылки к "я" говорящего. Для наименования класса слов, связанных с местоимением первого лица, существуют различные термины. Мы воспользуемся определением Ю. С. Степанова, согласно которому "... эгоцентрические слова - это слова и выражения, которые ориентированы на "Эго", на "я" говорящего. Прежде всего это само слово "Я", затем "здесь" и "сейчас"¹.

В прономинальной системе языка местоимению "я" отводится особое место, и не только благодаря исключительному своеобразию его значения, но и потому, что характер его связей с другими разрядами внутри этой системы во многом определяет семантический статус последних. Сказанное в полной мере относится к обобщенным местоимениям: важным компонентом их значения является ориентированность на "я" говорящего, почему и можно выделить эгоцентрический компонент в структуре их значения. В настоящей статье мы попытаемся рассмотреть этот признак и вопрос о его месте в общей семантической структуре местоимений "one" и "you".

В словарных дефинициях и нормативных грамматиках местоимения "one" и "you" (в его нереферентном употреблении) квалифицируются либо как неопределенные (реже - безличные), либо как обобщенные. В последнем случае отмечается, что данные местоимения обозначают "человека вообще, любого человека, включая и говорящего". На первый взгляд последнее уточнение представляется избыточным - ведь под понятие обобщенного индивида подпадают все лица, в том числе и лицо говорящего. Однако, как показывает семантический анализ данных местоимений, упомянутое определение вполне адекватно отражает специфику их значения, по крайней мере на интуитивном уровне.

Наше описание обобщенных местоимений основывается на изучении ряда семантических признаков, при выделении которых мы исходили из следующего понимания местоименного значения, предложенного О. Н. Селиверстовой, "Собственно лексическую часть значения можно разделить на два "пласта": во-первых, местоимения задают уровень характеристики актанта ситуации, представляют его либо как личность, либо как носителя уникального, но не определяющего личность признака, либо как члена класса и т. д. Во-вторых, местоимения указывают, может ли слушатель получить из контекста или ситуации сведения, раскрывающие заданную характеристику, и при указании на наличие такой возможности содержат отсылку к тому или иному элементу

¹ Ю. С. Степанов. В трехмерном пространстве языка, М., 1985, с. 224.

контекста или ситуации, которые восполняют недостающие сведения”².

Изученный нами материал позволяет сделать следующие выводы относительно значения обобщенных местоимений:

1) Ни местоимение “one”, ни “you” не определяют денотат через свойства какого-либо класса.

2) Денотат этих местоимений представлен как обобщенный индивид.

3) Оба местоимения характеризуют свой денотат с точки зрения участия в данной ситуации.

4) Рассматриваемые местоимения содержат отсылку к некоторой группе “я и мне подобные”.

5) Местоимение “you” задает актанту ситуации индивидуализирующую характеристику, а местоимение “one” подобной характеристики не содержит.

Попытаемся аргументировать выдвинутую гипотезу, не останавливаясь на первом признаке, рассмотренном нами ранее³. С самого начала подчеркнем, что речь будет идти о значении слова, иначе - о способе представления денотата, а не о нем самом. Так, например, хотя денотат как таковой может быть конкретным, он может представлен в речи и как неопределенный, и как обобщенный.

1. В пользу предположения о том, что рассматриваемые местоимения обозначают **обобщенное лицо**, прежде всего свидетельствует информация, получаемая носителями языка от восприятия этих лексических единиц, а именно, информация о “человеке вообще”. Отсюда следуют те ограничения, которые накладываются на их употребление в речи: эти местоимения не могут сочетаться с конкретными локализаторами времени и пространства. Например, следующее предложение аномально именно ввиду упоминания конкретных обстоятельств времени и места:

(1) *One came here at 5 o'clock yesterday.

Сказанное является одним из аргументов в пользу отнесения данных местоимений к обобщенным, а не неопределенным. Дело в том, что в значение последних входит указание на отсутствие или недостаток информации о денотате, хотя сам способ его представления не препятствует конкретизации денотата. Вот почему неопределенные местоимения, в отличие от рассматриваемых, свободно сочетаются с конкретными указателями времени и пространства. Например,

(2) Someone came here at 5 o'clock yesterday.

Содержанием обобщенных местоимений не является указание на то, что сведений об актанте ситуации у говорящего нет или что он испытывает их недостаток. Передаваемая ими информация самодостаточна и в дальнейшей спецификации не нуждается. По этой причине к высказываниям, содержащим обобщенное местоимение, в отличие от тех, где употреблено неопределенное, не применим вопрос “кто?”, требующий конкретизации участника ситуации. Например,

(3) “Someone must help a friend in need”. “Who?” “A true friend”. (* one)

(Примеры, не имеющие иных отсылок, взяты из тестов, проведенных с англичанами-информантами. В них, во избежание возможной неоднозначности при толковании местоимения “you”, будет приводиться только местоимение “one”).

2. Остановимся теперь на третьем признаке, содержанием которого является характеристика денотата обобщенных местоимений в качестве **участника ситуации**. Косвенным образом мы затронем и следующий признак, то есть будем рассматривать вопрос о **включенности лица говорящего в сферу денотации**. Последний компонент значения очевиден: значение этих местоимений ориентировано на первое лицо, почему их невозможно разнореферентно использовать в одном и том же предложении местоимение первого лица и обобщенное местоимение:

² О. Н. Селиверстова. Местоимения в языке и речи, М., 1988, с. 224.

³ М. А. Тонян. One vs Man: опыт контрастивного семантического описания. В кн. “Иностранные языки, зарубежная литература (междуязыковский сборник научных трудов)”, вып. 8, Ереван, 1988, с. 188.

(4) I never read what anyone (*one) writes about me.

Когда мы говорим, что рассматриваемые слова несут информацию о "человеке вообще", мы не должны забывать о том, что эта же информация может передаваться и иными языковыми средствами, например, существительным "man":

(5) Man is a mammal.

В данном предложении, характеризующем весь человеческий род, в основе обобщения оказываются свойства класса, представленные в виде понятия, концепта. Вследствие этого отношения между субъектом и предикатом подобного предложения могут быть трансформированы в выражение "быть человеком значит быть млекопитающим"⁴.

Такой же трансформации, основанной на учете свойств класса, может быть подвергнуто предложение, где существительное "man" употреблено с неопределенным артиклем. В этом случае актант ситуации представлен как член класса "люди", и все, что относится к классу в целом, истинно в отношении каждого из его членов. Замена на обобщенное местоимение в этих случаях невозможна до тех пор, пока целью предложения является характеристика целого класса или члена класса. Собственно говоря, в обычных условиях это - цель любого таксономического высказывания. Можно было бы априорно утверждать, что отсутствие информации о свойствах класса у обобщенных местоимений делает их употребление в классификационных структурах невозможным.

Однако, как выяснилось в ходе лингвистического эксперимента с информантами, существуют условия, при которых использование обобщенного местоимения становится возможным. Следует оговориться, что полученные трансформации грешат определенной искусственностью, однако, вполне отвечают требованиям семантической нормы. Их можно свести к следующему: 1) Если пример (5) вполне мог бы использоваться как отдельное, вырванное из окружения, утверждение, то искомому предложению необходима ситуация, контекст. 2) Если (5) может не иметь никакой конкретной референции, то преобразованное предложение должно обязательно соотноситься с говорящим, слушающим или с кем-то, кого говорящий считает так или иначе связанным с собой.

Рассмотрим каждое из этих требований по отдельности. Для определения степени зависимости лингвистической единицы от контекста Ф. Кац предлагал представить ее написанной на анонимной почтовой карточке. Зависимость от контекста должна проявляться в возможности или невозможности понять предложение, вырванное из окружения. Эту процедуру он называл приближением к нулевому или пустому контексту. Не соглашаясь с ним, Дж. Серль утверждал, что "нет такого понятия, как нулевой контекст для интерпретации предложений... Мы понимаем значение таких предложений только на фоне множества базовых предложений о контексте, в которых предложение могло бы быть правильно произнесено"⁵. Действительно, трудно представить существование осмысленного высказывания вне каких-либо связей с ситуацией речи или вербальным контекстом. Однако, очевидно, что связь с непосредственным окружением у разных предложений разная. Для понимания одних необходим учет минимального количества пресуппозиций и отношений с контекстом, другие интерпретируются на основе большего количества связей с непосредственной ситуацией. Таким образом, находя, что предложения типа (5) могут употребляться изолированно, информанты скорее всего имели в виду, что их связь с контекстом носит свободный характер. Например:

(7) "Do you know any specimens of mammals?" "Well, I know that man is a mammal, for example".

Здесь речь идет о том, чтобы назвать некую сущность, соответствующую descrip-

⁴ См. интересные наблюдения Н. Бэртона-Робертса над семиотическими особенностями именных групп в некоторых генерализациях в кн. Burton-Roberts N. On the Generic Indefinite Article. Language, vol. 52, N 26, 1983.

⁵ S. Levinson. Pragmatics. Cambridge University Press. Cambridge, 1983, p. 9.

ции "быть млекопитающим" - с непосредственными участниками ситуации задаваемая характеристика никак не связана. Для того, чтобы стало возможным употребление обобщенного местоимения с теми же актантами, что и в предложении (4), информант соотносит высказывание с самим говорящим:

(8) "Why all this fuss about suckling your baby?" "Well, one is a mammal, one naturally has mammalian instincts and wants to suckle one's own baby".

Очевидно, что в данном диалоге женщина говорит не обо всем классе людей, а о себе самой и о любой другой женщине, которая находится или могла бы находиться в подобной ситуации. При употреблении обобщенных местоимений слушающий, а иногда даже третье лицо, наделяются говорящим его собственными способностями к восприятию и оценке ситуации. Вот почему в тех случаях, когда идентификация с собой или со своей "референтной группой" (социологический термин для обозначения престижной группы) представляется говорящему невозможной (так как противоречит реальному или потенциальному положению дел, в котором может оказаться говорящий) или нежелательной (поскольку имеет отрицательные коннотации), предпочтение отдается употреблению существительного. Например:

(9) When a man (? one) commits a suicide, people don't always know the reason.

По-видимому, ситуация самоубийства не настраивает на то, чтобы говорящий идентифицировал себя с возможным ее участником, что произошло бы при наличии местоимения "one". Интересно, что оно было бы к месту, если бы речь шла не о гипотетическом самоубийстве, а о реальном, неудавшемся: в этом случае уже само действительное участие в ситуации давало бы повод для обобщения собственного, в данном случае печального, опыта.

Таким образом, очевидно, что обобщенные местоимения задают денотату слова характеристику "участник ситуации", почему и для их употребления необходима тесная связь с контекстом.

С другой стороны, существует множество афоризмов, поговорок и т. п., содержащих данные местоимения. Казалось бы, наличие высказываний, которые могут употребляться изолированно от какого-либо контекста (вспомним сборники, содержащие различные формы афористически оформленных мыслей), противоречит нашему утверждению. Однако если мы вновь обратимся к механизму, о котором говорили выше, то увидим, что и значение изолированных обобщающих высказываний мы понимаем на фоне множества тех базовых предположений о контексте, в которых предложение могло бы быть правильно произнесено. Следовательно, всякий афоризм имеет такой фоновый контекст.

Как нам представляется, существует разница между потенциальным, или фоновым, контекстом для изолированной генерализации, содержащей существительное, и для аналогичного предложения с местоимением. При употреблении существительного говорящий в имплицитной форме предупреждает, что он будет говорить о классе объектов, и, следовательно, с непосредственными участниками ситуации или акта речи сказанное будет соотносится в лучшем случае опосредованно. Употребление же обобщенного местоимения задает иной фон для интерпретации предложения: говорящий как бы заявляет, что то, что будет сказано, относится к любому потенциальному (поскольку речь идет об афористическом типе высказывания) участнику события. Весьма интересная деталь: информанты считали, что генерализаций, содержащие субстантивные единицы, могут быть "анонимными", в то время как те, в которых употреблено местоимение, обычно содержат имя автора. Несмотря на то, что данное замечание не подтверждается статистикой фактического материала, оно вскрывает важную особенность обобщенных местоимений, которую интуитивно ощущают носители языка. Она заключается в том, что при использовании обобщенного местоимения говорящей имплицитно утверждает свое авторство и намекает на свое участие в описываемой ситуации.

Семантические особенности местоимений "one" и "you" определяют выпол-

нение ими так называемой лингводемагогической функции. По определению Т. М. Николаевой, предложившей термин "лингводемагогия", это такой перлокутивный феномен, суть которого в оценочном воздействии на адресата, не выражающегося прямо, "в лоб". "Основной посылкой ... "лингводемагогических" феноменов является ощущение социального одиночества. При нетерпимом отношении к этому явлению возникает установка на создание коммуникативно плотного пространства без лично незаполненных лакун. Иначе говоря, за говорящим индивидом должен стоять некий социум. В случае реальной "незаполненности" и /или вербальной невыраженности мнений этого социума/ в речевом поведении говорящего манифестируются две тенденции: построение максимального социума языковыми средствами и выражение мнения этого социума. Таким образом, "генерируется" позитивная референтная группа. Как внушает говорящий, эта группа мыслит и полагает так, как и он, точнее, он говорит и мыслит как и "все они"⁶.

Здесь уместно вспомнить замечание М. Хэллидея о том, что "you" и "one" часто по импликации обозначают любого человека, к которому я бы отнесся с одобрением"⁷.

3. Весьма интересны внутренние взаимоотношения между общим и частным в структуре обобщенных местоимений. "Даже когда мы говорим о собственной жизни, то этот рассказ с неизбежностью связан с рассказами о жизни других людей, и в совокупности они составляют историю"⁸. Что касается соотношения между говорящим лицом и другими людьми, то эти взаимоотношения можно приблизительно представить как "я и другие лица в подобной ситуации". Обязательная включенность говорящего в денотативную область обобщенных местоимений объясняет возможность их употребления вместо местоимения первого лица. Правда, эта замена всегда стилистически маркирована. При нежелании однозначно указать на самое себя путем использования местоимения "я", говорящий прибегает к ряду средств, одним из которых являются рассматриваемые местоимения. В научной и деловой речи употребление "one", "we", "you" широко распространено, поскольку употребление обобщенных местоимений вместо местоимения "я" выполняет контакто-устанавливающую функцию между говорящим и читающим (о чем мы упомянули выше) и, как следствие, снимает с утверждения автора оттенок нескромности и категоричности.

В некоторых достаточно редких случаях обобщенное местоимение "one" может употребляться говорящим для указания на самое себя в такой ситуации, когда чье-либо со-участие исключено. Если в научной и деловой речи подобная замена местоимения "я" вполне приемлема, а иногда и необходима, то в разговорной речи она свидетельствует о напыщенном стиле. Приведем любопытный пример. По свидетельству одного из информантов, однажды журналисты спросили Королеву Елизавету II занимается ли она домашними делами. Она ответила:

(10) "One does when one can".

Этот ответ вызвал неодобрение у читающей публики, причем, по мнению информанта, причина была в использованном местоимении. Попытаемся понять почему. Разумеется, позиция королевы уникальна, следовательно, сказанное ею не может включать потенциальных соучастников ситуации. Было бы естественнее употребить местоимение первого лица единственного числа, а не слово, подразумевающее возможность участия адресата в аналогичной ситуации. Более того, в данном случае есть намек на "королевское" "we", что также вносит элемент высокомерия и манерности. Приведенный пример, конечно, нетипичен, и обычно обобщенные местоимения употребляются с целью выразить генерализацию, включающую и другие лица.

4. Рассмотрим семантические отличия между местоимением "я" и обобщенными, с одной стороны, и между "one" и "you" - с другой.

⁶ Т. М. Николаева. Лингвистическая демагогия. В кн.: "Прагматика и проблемы интенциональности", М., 1988, с. 155.

⁷ М. А. К. Halliday, R. Hasan. Cohesion in English, L., 1978, p. 39.

⁸ П. Рикер. Герменевтика, этика, поэтика, М., 1995, с. 108.

Самое основное, сразу бросающееся в глаза отличие заключается в том, что местоимение "я" выполняет действительную функцию выделения одного из участников коммуникативного акта и выступает в противопоставлении с другим участником ("ты") и не-участником ("он"). Обобщенные местоимения, естественно, не могут служить этой цели, следовательно, не могут употребляться в ситуациях, основанных на противопоставлении лиц. Например:

(11) I am not you-
but you will not
give me a chance,
will not let me be me.

("Africa's Plea", R. T. Dempster)

Местоимения "one" и "you" обозначают того, с чьей точки зрения описывается данная ситуация, и именно с этой точки зрения описывается позиция говорящей. По этой причине, если в предложении наряду с нереперентно употребленным существительным есть обобщенное местоимение, то последнее отражает позицию говорящего, а первое - нечто внешнее по отношению к ней. Например:

(12) When one loves a person, one is happy.

Активная позиция совпадает в данном случае с точкой зрения говорящего. Если же необходимо, чтобы в фокусе эмпатии был тот, кому адресовано действие, то существительное и местоимение поменяются местами. Примечательно, что если в одном и том же предложении местоимение "one" и "you" употребляются разнореферентно, то "you" отражает точку зрения говорящего, а "one" в этом случае оказывается вне фокуса эмпатии. Например:

(13) You can't force one to like you.

Предложение это является переводом русской поговорки "Насильно мил не будешь". Может возникнуть вопрос о том, почему в позиции прямого дополнения употреблено местоимение "one", если оно, как не однократно упоминалось, эгоцентрично в своем значении. Дело в том, что другая языковая единица вместо данной несла бы дополнительную информацию либо о принадлежности к какому-либо классу (a man, a woman), либо указывала бы на то, как именно выбирается участник ситуации (someone, anyone). Между тем, "one" ограничивается лишь характеристикой денотата с точки зрения его участия в ситуации, а упоминаемый нами компонент ориентации на говорящего, реализуется в том смысле, что и объект данного предложения также принадлежит к референтной группе говорящего.

Утверждение, что "one" отличается нейтральностью, или отстраненностью коннотации, в то время как "you" имеет интимный оттенок, что первое употребляется в официальной и научной речи, а второе в разговорной, можно считать общим местом при характеристике этих слов. Однако, до сих пор не была сделана попытка объяснить это различие семантическими особенностями местоимений, все сводилось к установившейся норме употребления. Глубинные причины дифференциации, как нам кажется, можно объяснить различным уровнем характеристики данных слов.

Характеризовать денотат как личность значит представлять его в совокупности индивидуализирующих его свойств. Это такой тип представления объекта, когда на первый план выступает его целостный образ, а не какое-нибудь одно свойство. Подобным образом представлен денотат имен собственных, а также личных местоимений "я" и "ты"⁹. Информация, получаемая при восприятии местоимения первого лица, никак не исчерпывается сведением о том, что участник ситуации совпадает с говорящим лицом. Если бы это было так, то не было бы никакой разницы между местоимением "я" и, скажем, выражениями типа "ваш покорный слуга" или "пишущий эти строки". За местоимением "я" лежит образ, индивидуальность, и также обстоит дело с местоимением "you".

⁹ О. Н. Селиверстова, ук. соч., с. 33.

(13) He smiled understandingly - much more than understandingly. It was one of those rare smiles with a quality of eternal reassurance in it, that you may come across four or five times in life ... it concentrated on **you** with an irresistible prejudice in your favour. (F. S. Fitzgerald, курсив автора).

Замена местоимения "you" на какую-нибудь другую языковую единицу в данном случае либо невозможна, либо полностью меняет смысл предложения. Если, например, вместо него употребить существительное, то круг тех, о ком говорит автор, ограничится рамками некоторого класса: окажется, например, что персонаж, о котором идет речь, смотрел на друзей, детей, гостей, и т. д. Очевидно, что передаваемый смысл будет совершенно иным: в исходном тексте для того, чтобы быть вовлеченным в сферу личного обаяния описываемого персонажа необходимо лишь быть участником ситуации общения с ним. Однако одной лишь характеристики "участник ситуации", которой обладает и "one", недостаточно, не говоря уже о том, что замена на это местоимение невозможна: "one" не может употребляться в эмфатической позиции (на нее в тексте указывает курсив). Отсюда следует, что местоимение "you" передает еще и дополнительную информацию, причем такую, которая подлежит интенсификации. Эта дополнительная характеристика заключается в характеризации денотата как личности. Через это слово в данном примере обеспечивается обращение к внутренней сущности читателя, который, как и любой на его месте, почувствовал бы, что улыбка обращена именно к нему, к его внутреннему "я".

Между субстантивным употреблением местоимения "я" (типа мое "я") и значением обобщенного местоимения "you", актуализированного в примере (13) много общего: и в одном, и в другом случае передается нечто исключительно трудно выразимое, лежащее в основе представления человека о самом себе, как о неповторимом существе.

Напротив, местоимение "one" объективизирует сказанное, лишает свойства личностной оценки. Показательно, что это различие обязательно ощущается носителями языка. Например,

(14) The girl turned on him and shrilly, so that one heard every word, told him in foul language to mind his own business (S. Maugham).

По мнению одного из информантов, автору необходимо было охарактеризовать голос персонажа: она говорила так пронижительно, что присутствующие (т. е. участники ситуации) могли слышать любое ее слово. Здесь дается объективная оценка сцены, при таком способе ее представления не важна ни личность тех, кто окружал эту женщину, ни их реакция.

Однако если бы было употреблено местоимение "you", то была бы важна личность тех, кто ее слышал, имплицировалось бы, что на окружавших эту женщину людей ее голос оказал определенное воздействие, и они могли бы выразить свое отношение к его носителю. Вот почему замену на "you" один из информантов предлагал сочетать с введением оценочных слов:

(15) The girl turned on him and shrilly, so that you heard every damned word she said, told him... The way she spoke was horrible.

Из приведенного материала становится очевидно, что обобщенное местоимение "you", так же, как местоимение первого лица единственного числа, способствует рассмотрению описываемой ситуации изнутри, причем акцент ставится на перцепцию участников этой ситуации, а не на объективное изложение фактов. Сфера денотации этого обобщенного местоимения очерчивается теми, кто участвует в ситуации и кто, как подразумевается, подобен говорящему. В его значении весьма интересно, если не парадоксально, сочетается представление участника ситуации как одного из многих наряду с его индивидуализацией. Представляется уместным в данной связи обратиться к словам Поля Рикера, который пишет о целесообразности различения двух значений понятия "другой": "... существуют "другой", в котором я вижу личность и которого я могу воспринимать как "ты", и "другой" как все остальные, с которыми я связан инсти-

туционально, но к которым я не отношусь как к личностям (например, почтальон, приносящий мне корреспонденцию, и т. п.)”¹⁰. Именно таким образом воспринять “другие”, поставленные в ситуацию аналогичную описываемой, и составляют ту референтную группу, о которой мы говорили выше.

Социологический анализ местоимения “one” привел нас к следующему выводу. Социум, который входит в сферу денотации этого слова выстраивается не на основании общности потенциальных участников ситуации в восприятии положения дел, а в первую очередь на основании общих **социальных, культурных, иногда возрастных, и тому подобных имплицитных характеристик**. Здесь члены “элитной” группы отличаются от “других”, составляющих их окружение, сугубо “институционально” - основой отличия является не признак “личность” (в противоположность “не-личности”), а осознание **разницы в исполняемых социальных ролях**. Фигурально выражаясь, местоимение “you” более открыто, демократично, а “one” более элитарно. Весьма интересные свойства этих местоимений с точки зрения их социолингвистических свойств, одним из которых является описанное выше, требуют особого анализа и в рамки данной статьи войти не могут.

Описанные характеристики, наряду с остальными, рассмотренными в этой работе, являются следствием включения говорящего в сферу денотации этих слов. Хотя обобщенные местоимения лишены дейктической функции, они обладают ярко выраженными свойствами эгоцентричности (в случае возникновения вопроса о синонимичности понятий **дейксис** и **эгоцентричность** наличие этих местоимений может служить иллюстрацией их нетождественности). Однако если такие классические эгоцентрические единицы, как “здесь”, “сейчас” могут быть “понятны только если каким-то образом указывают на “я” того, кто говорит”¹¹, то обобщенные местоимения языковыми средствами выстраивают социум, в центре которого выступает говорящий, причем автор высказывания представляется выразителем позиции этой реально или потенциально существующей группы. Эгоцентрический компонент значения рассмотренных местоимений в значительной мере предопределяет их значение и употребление, что мы и попытались показать в данной статье.

Մ. Ա. ՏՈՆՅԱՆ- Անգլերենի ընդհանրական դերանունների տակենտրոն իմաստային բաղադրիչը.- Հոդվածում վերլուծվում է անգլերենի ընդհանրական դերանունների («one», «you», «we») իմաստը, մասնավորապես՝ տակենտրոն (egocentric) իմաստային բաղադրիչը: Նշված բաղադրիչի առկայությունը և բովանդակությունը բնկվում է լեզվակիրների հետ անցկացված հարցումների հիման վրա: Նկարագրվող իմաստի ներկայությունը բացատրում է այս դերանունների ոճական և գործաբանական հատուկ կիրառությունները: Դրանք են «one» և «we» դերանունների օգտագործումը պաշտոնական և գիտական ոճում, ինչպես նաև՝ բոլոր երեք դերանունների կատարած ֆունկցիան լսողի վրա ոչ ուղղակի ազդեցություն իրականացնող ասույթներում: Զննարկվում են նաև տվյալ դերանվանական դասի երկու հիմնական անդամների՝ «one» և «you» դերանունների իմաստային և ոճական տարբերությունները, որոնց պատճառը այս բառերին հատուկ բնութագրման մակարդակների տարբերությունն է:

¹⁰ П. Рикер, ук. соч., с. 108.

¹¹ Ю. С. Степанов, ук. соч., с. 224.